

# Царство Силачей



Ольга Филюшкина

# Ольга Сергеевна Филюшкина

## Царство силачей

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70613452](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70613452)*

*SelfPub; 2024*

### **Аннотация**

Сказка в стихах повествует о непростой истории престолонаследия в Царстве силачей, братской дружбе и защите трона от посягательств захватчика-колдуна.

# Ольга Филюшкина

## Царство силачей

В местах, от нас не столь далеких  
Во времена боёв жестоких  
Имелось царство силачей,  
Вот только в царстве трон ничей.  
Пора вести дружину в бой —  
Но в ней же каждый был герой!  
Так, правда, было не всегда,  
Пришла нежданно беда.  
Взгляд бросим мы во времена,  
Когда величия полна  
Была держава силачей.  
Не из пустых льстецов речей,  
А потому, что правил ей  
Великий, мудрый Силамей.

Враги его не донимали,  
Они прекрасно понимали:  
Потери будут – не измерить.  
И не спешил никто проверить,  
Способны ль устоять войска  
После ответного броска  
Атаки его грозной рати,

Иль вдовий плач ждать в каждой хате.  
Своей земли царь не отдаст.  
К тому же, всех огню предаст,  
Кто меч поднял, тая угрозу —  
Он с кровью выдерет занозу!  
Его воякам грохот пушки —  
Что новогодние хлопушки.  
Им меч в руке – да как игрушка,  
Ну а война для них – пирушка.  
Всегда за ними выигрыш в драке,  
Хотя они не забияки.  
Но генофонд на диво крут,  
Так что враги здесь не пройдут.

У врат могучих при дворце  
Сидят три брата на крыльце.  
Брат старший звался Победан,  
Ему талант был редкий дан.  
В борьбе никто с ним не сравнится:  
Что сталь тверда его десница.  
Брат средний звался Владесил,  
То имя с гордостью носил.  
В толканьи гирь в три пуда



Творил он просто чудо.  
А младший звался Ратобой,  
Его стихия – ратный бой.  
Наград не счесть за доблесть их.  
Два старца речь ведут при них:

– Пока наш царь сидит на троне,  
Не угрожают обороне  
Его ближайшие враги.

– Им это просто не с руки:  
Наш Силамей умён, хитёр,  
Да на язык, к тому ж, остёр.  
А про его лихую силу  
Давно известно всему миру.

С тоской старик глядит вокруг,  
И говорит печально вдруг:

– Красива вотчина в убранстве.  
Одно неладно в государстве...

– Уж лучше и не говори.  
Все предыдущие цари

Примерно к тридцати годам  
Не знали счёту сыновьям.  
А мы, как прежде, день за днём,  
Всё без царевича живем.

– Хоть Силамей молился много,  
Проя наследников у Бога,  
Не возрастил сыновью плоть.  
В том не помог ему Господь.

– Так был же у него мальчонка.

– Не уберёт отец ребёнка.  
Ратмиру было лет так пять:  
Пошёл он уток пострелять.  
На нём был царский медальон,  
Мы прочесали весь район.  
День вышел, следом и второй,  
Но не пришёл малец домой.

– Когда ж силач наш овдовел,  
Жениться вновь не захотел.  
Крепка была его любовь —  
Не пережить такого вновь.

Тут братья в разговор встречаются,

Глаза, как жар у них сверкают.  
Восторжен и смущён их вид.  
Сначала старший говорит:

– Зато дочурка какова!  
Не зря о ней идет молва.  
С глазами тёмными, как ночь,  
Красива, словно нимфа, дочь.  
Густые, жгучие ресницы —  
Милей не сыщется царицы!

Кивает средний брат старшему  
И шепчет на ухо меньшому:

– Не зря зовётся Любомира:  
Голос нежен, будто лира,  
Коса до пола, дивный взгляд.  
Любой стать суженым бы рад.

Старик потёр лицо худое:

– Да, это дело молодое.  
На наших землях в старину  
Заранее сватали жену,  
А если речь о царской дочке —  
В девицах сочтены денёчки.

Другой старик решил добавить:

– Позволь и мне словечко вставить.

Июльским днём все, как один,  
Крестьянин или господин  
Не ждут пассивно акт решения,  
А подают свои прошения  
В надежде стать любимой мужем.

– Мы вот о чём, однако, тужим, —

Стараясь справиться с собой,  
Печально молвил Ратобой, —

Рассказ нас этот взволновал,  
Я неспроста его прервал.

Вокруг полно сватов различных:  
Как наших, так и заграничных.

Хочу узнать один пустяк:  
Какие шансы у вояк?

Помялись старцы, ухмыльнулись,  
Друг на друга оглянулись:

– Желаем, юноши, успеха!

– Вам чужеземцы не помеха.

У Любомиры нету брата,  
Молва тому совсем не рада,  
Но по обычаю на трон  
Не может пришлый сесть барон.  
Мы знаем то наверняка:  
Закону этому века.  
Усердно царь чтит сей указ,  
Сам подписал о том приказ.  
Пусть дочь, не сын у Силамея —  
Он не уступит трон, старея,  
Кому-нибудь из чужаков.  
Здесь не поспоришь, царь таков.  
Надежды зря они питают:  
Их при дворе-то принимают,  
Однако будет им отказ.

– Продолжу я теперь рассказ.  
Лишь житель царства силачей,  
На деле знавший звон мечей,  
Владеющий умом и силой  
Пасть смело может в ножки милой.  
Возможно, будут испытанья,  
Но в нашем царстве есть приданье:  
Лишь воля царственной особы,  
А в данном случае, зазнобы,  
Способна сватовство прервать,

Ну, и избранника назвать.  
Точней: за Любомирой слово.  
Не ждите, воины, иного.

Тут старцы с братьями простились  
Те, будто свечи, распалились:

– Во время зноя и жары  
Готов принять судьбы дары!

Заверил братьев Победан.

– И мной обет пусть будет дан:  
Коль даже быть в те дни войне,  
Не буду также в стороне, —  
Поднявшись, молвил Владесил.

Тут Ратобой шепнул:

– Нет сил.  
Да и, пожалуй, много лет  
От глаз ее покоя нет.  
Боюсь не выждать и весны:  
Она в мои приходит сны.  
Я тоже подаю прошенья  
И стану ждать ее решенья.

Минул не месяц и не два:  
Июль вступил в свои права.  
Толпятся женихи в приёмной,  
Сердца полны надежды томной.  
Но Любомира неприступна,  
Чем претендентов сердит крупно.  
Не одного с ума свела:  
То деспотична, то мила.  
Силамей заходит в спальню,  
К доченьке в опочивальню.  
Из-за ширмы голос нежный  
Задаёт вопрос небрежный:

– Из каких краёв и стран,  
Сей собрался балаган?  
То Вам, батюшка, известно?

– Вижу я, всё бесполезно?  
Не по душе и эти гости.  
Откуда столько яда, злости?

– Не будем, батюшка, об этом.

– Сражён подобным я ответом.





Царь был вдовцом уже пять лет.  
Дочь – смысл жизни, воздух, свет.  
В ней Силамей души не чаял,  
Гнев на проказы был, но таял.  
Не всё царь в дочке одобрял,  
Всё ж, примиряясь, повторял:

– Моя крошка, Любомира!  
К твоим ногам все краски мира.  
Смири гордыню, будь скромней:  
Добро в душе красоты важней.  
Хоть на приёме-то ни в ком  
Не смей искать изъян тайком.

– О чём Вы, батюшка? Не буду.  
Глупца я встречу иль зануду —  
Лишь улыбнусь и ни словечка.  
Смиренной буду, как овечка.

– Позволь тебе мне не поверить,  
Я буду каждый шаг твой мерить.  
Тебе я лишь добра хочу.  
Я нынче, детка, не шучу.  
В прошлый раз что учинила?

Вспомнить страшно.

– Было мило.

Весь приём прошёл, как в сказке.

– Ты ж скупила все подвязки,

Разрядила своих слуг,

Не жалея средств и рук,

В парики и панталоны.

Рассыпались все в поклоны

Перед горничной и прачкой!

– Дворня Вас зовёт чудачкой!

В разговор служанка встряла.

Ух, за это ей попало.

Царь за дверь её прогнал —

Крику было на весь зал.

Ворвалась она обратно,

Завизжала непонятно:

– Госпожа, а граф со свитой

Всё кричал: "Знаком с элитой!"

А на деле Ваших слуг

Он встречал, как близкий друг.

Обсуждал он с кузнецом,

Пудрить как парик с лицом.  
Знанием моды поражал —  
С конюхом совет держал  
О жабо, о рукавах,  
Панталонах, веерах.

– Вёл беседы, вина пил,  
Был тактичен с ними, мил, —  
Улыбнулась дочь царя,  
Со служанкой говоря.

Та продолжила в запале:

– Вы кому бы приз отдали?

– Помню столько глупых рож...

Царь взмолился:

– В теле дрожь!

Любомира поправляет,  
Что царя лишь распяляет:

– Было много мерзких лиц.

– Нарушать не смей границ!  
Ты мне дочь, я – государь! —  
Возмущённо вставил царь. —  
Что за слог, где воспитанье?  
Я прошу тебя заранее:  
Не позорь седин отца!  
Воду, впрямь, не пить с лица.  
А служанка, как обычно,  
Подмечает нетактично:

– Чтоб была она любезна —  
Не дождётесь, бесполезно.

У царя смущённый вид,  
Ухмыляясь, он цедит:

– Ты куда суёшь свой нос?  
Не с тебя пока что спрос.  
Секретарь, а не прислуга!

– И, к тому ж, моя подруга, —  
Уточнила Любомира, —  
Так, о чём я говорила?  
Ах. Должна я быть учтива,  
Терпелива, не строптива,  
Всех смиреньем удивить

И умом превосходить.  
Но зачем же торопиться?  
Дайте мне определиться.  
Чтобы встретиться с судьбой,  
Я желаю быть собой.

Царь к окошечку отходит,  
Взглядом край родной обводит:

– Если б ты нашла супруга,  
Я – союзника и друга,  
Были б темы все закрыты.  
Мы забыли б про визиты  
Скучных, глупых женихов.  
Даже рифмы их стихов  
Нас бы больше не смущали.

– Вы мне прежде обещали,  
Будто в чувствах я свободна.

– Назови кого угодно.  
Только помни: выбор твой  
Надо делать головой,  
Где мозги, а не игрушки,  
Тряпки, куклы, побрякушки.  
Ты берёшь не просто мужа,

Что согреет, когда стужа.  
Откровенно говоря,  
Землям здешним главаря.

Любомира отшатнулась,  
Ширмы пальцами коснулась,  
Плотно губы свои сжала  
И с улыбкой продолжала:

– Это что ещё за бредни?  
Вы твердили мне наемдни,  
Будто бы в прекрасной форме.

– Да, здоровье моё в норме  
И, конечно, я не стар.  
Трон мой – к свадьбе зятю дар.  
Говорил тебя я с детства:  
Не получишь власть в наследство.  
Ты не сыном рождена,  
Значит, править не вольна.  
Был бы жив твой брат Ратмир,  
Я б тебя не торопил.  
Он мог славным стать царём,  
Но остались мы вдвоем.  
Сделать так, как нам угодно,  
Лишь замужество способно.

Так что, дочка, прекрати  
Унимать огонь в груди.

– И кто придумал сей закон?

– Да он ведётся испокон! —

Отвечает резко царь, —

– Сложилось эдак, дочка, встарь.

Царь с мечом на поле брани —

Не на троне и не в бане, —

Первым он стоит в строю!

– Я отчёт в том отдаю.

– Править женщина не смеет:

Силы, навык не имеет.

Царевна свечку погасила,

Нежно, вдумчиво спросила:

– Кого мне выбрать в женихи?

Какие предпринять шаги?

Как распознать, кого сама

Своей красой свела с ума,

А кто польстился на владенья,

Деревни, пастбища, именья?

– Ты не глупа, мой ангелочек,  
Коль не считать твоих примочек.  
Тебе подскажет сердца стук,  
Кто враг твой, детка, а кто – друг.  
В тронный зал идти готова?

– Но на мне опять обнова.  
Она способна мне помочь.

Из-за ширмы вышла дочь.

– Как Вам, батюшка, наряд?

– Святые мне молчать велят.  
Почему костюм крестьянки?

– Мой-то, батя, на служанке.  
Подыграйте хоть разок.

Отказать он ей не мог.

– Жесток твой юмор и сатира,  
Моя кровинка Любомира.  
Но ты моя родная дочь,  
И я готов тебе помочь.

С иноземцами рядись,  
Ну, а к нашим – приглядись.

Любомира улыбнулась,  
В грудь отца от счастья ткнулась.  
Обняла, поцеловала,  
Будто месяц не видала,  
И шагнула за порог.  
Царь сдержать слезы не смог.

В тронном зале претенденты  
Источали комплименты.  
Правда, вместо царской дочки  
В её юбке и сорочке,  
То есть в изысканной тряпице,  
Невоспитанной девице.  
Представляю Вам приманку  
Дуню – верную служанку.  
На вид глупа, но энергична,  
Мила, пригожа, симпатична.  
На чистоту сказать посмею,  
По сути, красотой своею  
Она затмила б звёзды, свет.  
Представьте: пышный силуэт,  
Большие томные глаза,  
Густая, длинная коса,

Ресницы загнуты слегка,  
Всяк любовался бы века.  
Однако, ум и красота —  
Как брег песчаный и вода.  
Мирок её был груб и сер  
Без изысканных манер.  
То, правда, айсберга верхушка —  
Дуня вовсе не простушка  
И уж точно не глупа.  
Это роли скорлупа.  
Актёрский дар в ней так и плещет,  
Пред ней порой сам царь трепещет.  
Манер лишь, впрямь, не достаёт,  
Всё это образ создаёт  
Весьма сомнительной особы —  
Как будто вышла из трущобы.  
А тут граф, барон, маркиз  
Ей простят любой каприз,  
Все падут к ее ногам,  
Будто Дуня – божий храм!  
Граф с неё не сводит глаз  
И бормочет в сотый раз:

– Мои чувства напоказ,  
Я молился бы на Вас!  
Весть о Вашей красоте

Нас преследует везде,  
Нагоняя там и тут!  
Редко сплетники не лгут:  
Вы – мечта, ночной мираж,  
Совершенен облик Ваш!  
Я Вам должное отдам:  
Вы умны не по годам!  
Как изысканы манеры...  
Я хвалю – но всё нет меры!

Братья, давшие зарок,  
В зале были точно в срок.  
Гурман давнишний Победан  
Нёс с мороженым стакан.  
Он случайно оступился,  
И стаканчик очутился  
У него же на камзоле.

– Лучше б я кричал от боли,  
Чем испачкал свой костюм!

– Помолчи! Что поднял шум? —  
Владесил пресёк капризы, —  
Здесь и так одни сюрпризы.  
Не трещи, дай речь послушать.  
Позже будешь пить и кушать.

– А в чём дело? Объясните!  
Ратобой, чего молчите?

Младший брат собрался с духом:

– Не ори над самым ухом.  
Граф заморский Дуню хвалит.  
Его, видно, не печалит,  
Что столь яркий монолог  
Не для той он приберёт.

Владесил взгляделся вдаль:

– Мне маркиза очень жаль.  
Графу он не уступает,  
Как ему и подобает,  
Слух бедняжечке терзает.  
Взглядом аж насквозь пронзает!  
Речь заучена из книжки —  
Только вслушайтесь, братишки!

– Стан, улыбка, поступь, очи...  
Не заснуть теперь три ночи!  
Как учтивя Ваша речь!  
Собеседника увлечь

Не составит Вам труда!  
Я не зря спешил сюда.  
О, небесное созданье,  
Проявите состраданье!  
Ваши губки, жгучий взгляд  
Я увидеть был так рад,  
И молю лишь об одном —  
Чтоб не стало это сном!

Не успел маркиз умолкнуть —  
Князь решил зубами щёлкнуть,  
Затянув свой монолог:

– Устоять и я не смог.  
Возможно, я не златоуст,  
Зато бесстрашен, как мангуст.  
Красою Вашей поражён,  
Отсюда скован, напряжён.  
Вы – богиня, Вы – кумир,  
Вдохновительница лир!  
Взгляд не в силах отвести,  
Разлуку с вами не снести.  
Как прекрасен этот взор...

– Это что ещё за вздор? —  
Старший брат не смог сдержаться, —

Ему б к холодному прижаться!  
Князь влюбился в самом деле!  
У него виски вспотели,  
Взгляд смущённый, сжаты руки,  
У меня, наверно, глюки.

Победан в недоуменьи.  
Владесил – и тот в сомненьи.  
Удивлённая приманка  
Позабыла, что служанка  
И вступила в разговор.  
Стыдно вспомнить до сих пор:

– Вы взаправду обо мне?  
Дело вроде не к весне.  
Вы ж не дворня, не прислуга,  
Вы ж совсем иного круга.  
А что наш кузнец Матвей,  
Только тот побоевей.  
Мужики – чудной народ.  
Я, конечно, не урод,  
Но Вы здесь сейчас сказали,  
Будто краше я всех в зале!  
Да к тому ж ещё умна —



Поскорей подать вина!

– Вы божественно красивы  
И скромны, как ветви ивы, —  
Повторился юный князь.

– Погоди, пока не влазь.  
Я итак сумею сбиться.  
Кто готов на мне жениться?

– Я!

– И я!

– И я готов.

– Вот так суженых улов!  
Под венец пошла б с любым,  
Лишь бы был он холостым.

Засмеялась Дуня звонко:

– Я шутить умею тонко.

Из толпы выходит хан,  
Именуемый Карган.  
Вид свирепый, даже злой.  
Он слегка махнул рукой,  
Призывая к тишине:

– Прямота твоя по мне.  
Будь моей без лишних слов,  
Похитительница снов.  
Я, поверь, на всё готов.  
«Да» скажи, и без сватов  
Отношения наладим,  
Все формальности уладим...

У Дуняши в голове  
Мыслей, что жуков в траве:

– Просит руку важный хан!  
Как мне жаль, что всё обман...  
Мне-то он не по душе,  
Но я в роль вошла уже.  
Отказать иль согласиться,  
Милосердная царица? —  
Взглядом Дуня вопрошала.

Госпожа плечами жала,

А затем движеньем рук.

Шлет ответ ей через слуг:

– Не смущайся, не теряйся,  
Неприменно соглашайся.

И служанку не узнать:

– Присылайте, буду ждать!

Шлёт улыбки хану вслед,  
Но Каргана в зале нет.  
Те три брата, что хотели  
Испытать судьбу на деле,  
Не смогли сдержать свой смех:

– Хана ждет во всем успех!  
Смело им экзамен сдан, —  
Сделал вывод Победан.

Владесил пожал плечами,  
И сказал, моргнув очами:

– Да они тут все слепцы,  
Недотёпы и глупцы!

Ратобой шаг сделал к трону,  
Приготовился к поклону:

– Представление удалось!  
Жаль, что нам не довелось  
Посмотреть на облик хана  
В миг прозренья от обмана.

Любомира усмехнулась,  
Нежно плеч отца коснулась:

– Ну а Вам, отец, по нраву  
Продолжать мою забаву?

Царь одобрил сей проект:

– Виден замысла эффект.  
Сколько бывших претендентов  
Не жалели комплиментов  
По незнанию своему  
Лично платью твоему!  
Им не важно, кто невеста.

Владесил сорвался с места:

– Пусть я воин, не садовник,

Спутать розу и шиповник  
Я бы всё же не посмел.  
Есть в любых вещах предел.

Победан не унимался,  
Вставить слово порывался:

– День и ночь, огонь и лёд,  
Горький деготь, сладкий мёд  
Невозможно же сравнить!  
Любомиру оскорбить  
Собрались отродья ада!

– Не кричи, брат мой, не надо, —  
Шепчет тихо Ратобой, —  
Рано лезть в открытый бой.  
На, держи вина бокальчик!  
На царевне сарафанчик,  
Я уверен, неспроста.  
Ставлю рубль против ста —  
Это явная засада.  
Торопиться здесь не надо.  
Старцы видно были правы:  
Не сыскать заезжим славы,  
Не найти им счастья тут —  
Потешаясь, засмеют.

Тут спесивый, тучный граф  
Понял, как он был не прав.  
Немедля начал возмущаться,  
Бурчит под нос:

– Пора прощаться.  
Лгать мне так нагло и цинично...  
Как это гнусно, неприлично —  
Вводить приезжих в заблужденье!  
Но это личное сужденье, —  
Сухой кивок, засова стук.  
С ним и маркиз прервал досуг.

А князь не думал уходить:  
Сел в уголок и стал следить.  
Царь поднял руку и сказал:

– Пора заполнить тронный зал  
Весёлой музыкой и пеньем!  
Готов следить я с упоеньем  
За танцем ловких, юных ног.  
Чур не щадить своих сапог!

Но тут, как вольный ураган,  
Ворвался в залу хан Карган,

Да прямиком к ногам Дуняши:

– Ты звёзд на небе, детка, краше!

Склонив свой стан, достал ларец.

В нём было множество колец.

Одно сверкало ярче всех,

Красой вводя любого в грех:

– Прими в знак искренней любви.

Нужда придёт – тотчас зови!

Я жду ответа ровно сутки.

Лишь выйдет время: ни минутки

Я не намерен ожидать.

– Ответ могу немедля дать, —

Сказала Дуня без запинки,

Смахнув с колечка две пылинки.

Всё как-то стихло в зале сразу,

И всякий смог расслышать фразу.

Речь Дуни стала чёткой, ровной:

– Когда на брак единокровный

Отец меня благословит,

Моё сердечко повелит





Стучать с любимым в унисон.  
Всё остальное – страшный сон!

Карган отвесил ей поклон  
«Я приближаю к себе трон.  
Царевна, видимо, пустышка...» —  
Мелькнула в голове мыслишка  
У иноземного вельможи.  
Успех переполнял до дрожи:

– Хочу, чтоб нынче мы венчались!

– Вы, хан, напрасно отлучались.  
Лишь даст согласие мой отец —  
Тотчас пойду я под венец!

– Моя богиня, я на Вас  
Готов жениться сей же час!  
Отец, благословите дочь!

– Влюбленным рад всегда помочь...

Расстроен был лишь князь один.  
«Что за настырный господин?»

Забава явно затянулась».  
Тут Дуня князю улыбнулась.  
И лукаво подмигнула.  
«Лучше б ты ко мне прильнула, —  
Размечтался Князь невольно:  
«Наблюдать за этим больно.  
Исчезну до поры бесшумно.  
Судьбу злить как-то неразумно.  
Я все препятствия пройду,  
Всех ухажёров превзойду,  
Дам выкуп, в ноги упаду,  
Коль надо – даже украду  
Её из царского дворца!  
Не избежать уж ей венца.  
Не ведаю, какой ценой,  
Но будет мне она женой!»

Царь Силамей ведёт прислугу  
К её «избраннику», «супругу».  
Попутно учит он служанку:

– Смотри вперёд, держи осанку.  
Не торопись, помельче шаг.

– Я что-то делаю не так?

– Пока всё, вроде бы, прилично:  
Смелей – и будет всё отлично.

Карган, как видно, торопился,  
За нетерпенье извинился:

– Меня, родная, не вини,  
Сгораю просто от любви.  
Скорей прошу свершить обряд!

– А как же свадебный наряд? —  
Смеясь, взмолилась Любомира:  
– Убранство, снадобья для пира?

– Всё это будет непременно,  
А в брак хочу вступить мгновенно, —  
Твердит настырно хан глупец.

Так, значит, жаждешь под венец? —  
Переспросил Каргана царь.

– В том нет сомнений, государь.

Соединил царь руки вместе:

– Сие творю я не из мести.

Не смею возводить преграды.  
Она твоя, Вы, друг мой, рады?  
Так подойдите же к невесте.

– Нет слов, и мысли не на месте, —  
Шептал безумный новобрачный:  
– День явно выдался удачный!

– Теперь признаюсь Вам, Карган —  
Есть у избранницы изъян.

Все потешались над Карганом,  
И даже те, кто ниже саном.  
Царь тоже смех не удержал,  
Но речь с улыбкой продолжал:

– Она не дочь мне, а служанка.

– Какая гнусная подлянка!  
Такие шутки не по мне.  
Я б предпочёл любовь войне.  
Я ждал в приданое Ваш трон!

– А я прошу Вас выйти вон.

Карган стал красным, будто рак:

– Я что, твой преданный батрак?  
Раскрой глаза – с кем говоришь?  
Подумай, старый, что творишь!  
Умом ты явно обделён:  
Я молод, ловок и силён!

Всё громче голос хана в зале.

– Надеюсь, что Вы всё сказали.  
Смените тон и не кричите,  
А лучше просто замолчите, —  
Вступилась смело дочь царя,  
Зал освещая, как заря.

Карган впервые обернулся,  
Невольно сник и улыбнулся.  
Забилось сердце невпопад,  
И он уже безумно рад,  
Что по расчёту не женился:

– Где этот ангел находился?  
Кто ты, цветочек, чаровница?  
Моя богиня и царица!  
Как ты смела и как отважна!  
Будь кем угодно – мне неважно,

Я сердце дам тебе в залог!  
Как проглядеть тебя я мог?  
Жизнь без тебя уже не в радость.

— Какая подлость, низость, гадость! —  
Вслух Любомира возмущалась:  
— Я с Вами нынче распрощалась!  
Сквозь шелест юбок, скрип полов  
Хан не услышал её слов:  
— Кто твой отец? Я всё улажу.

— Лишь час назад, любя Дуняшу,  
Вы изливали чувства ей,  
Признанья сыпя всё складней.  
Для Вас она судьба, награда  
Вот только вряд ли она рада.  
Мне жаль, но Вы ей не нужны,  
Все ваши потуги смешны.  
Гнать женихов подобных прочь! —  
Царю сказала громко дочь.

На смех зал поднял жениха.

— Уйди, милейший, от греха.  
Как мне сейчас тут подсказали,  
Ты дочь мою не видел в зале,

Хотя она держалась рядом,  
Следя за свадебным обрядом.

Карган был искренне смущен:

– Надеюсь всё же, что прощён.  
Виновен, каюсь в этом сам.  
Не смел смотреть по сторонам,  
Безумно жаждал только власти.  
Теперь вдруг новые напасти.  
Вы величавы, будто птица,  
Пред Вами все померкли лица!  
Ловлю Ваш взгляд и вот отрада —  
Улыбка Ваша мне награда!

– Красноречивых, нежных фраз,  
Смотрю, не тает в Вас запас.  
Но мне их слушать неприятно,  
Надеюсь это Вам понятно.  
Я место ваше указала, —  
Царевна вышла вон из зала.

Карган в лице переменился.  
Царь Силамей насторожился.  
Речь гостя льётся безмятежно:

– Дуэль, как видно, неизбежна.  
Лишь озарит сей край рассвет —  
Бой на мечах нам даст ответ  
На незначительные споры.  
Я предложить могу Вам форы.

Вот тут пошла над ним потеха,  
Одной Дуняше не до смеха.  
Она искала, где же князь,  
От нетерпения крутятся:

– Пошла сознательно на ложь,  
Как будто замуж невтерпёж.  
В летний зной, во время стужи  
Будто думаю о муже.  
А ведь всё наоборот!  
Прям для пьесы поворот.  
Лишь час назад взошла звездой,  
Лились признанья чередой...  
Особой царской, не служанкой,  
С прямой, изысканной осанкой  
Порхала королевой бала,  
А нынче крылья обломала!  
Все, словно мыши разбежались!  
Мы с князем и не попрощались!  
Я осмотрела дважды зал —

Сбежал, и слова не сказал!  
А я, наивная, решила,  
Что князя-то заморозила!  
Впервые дрогнуло сердечко,  
Вот от кого бы я колечко  
На пальчик с радостью надела!  
Ему б женой я стать хотела!

Пока Дуняша рассуждала,  
Толпа от хохота дрожала.  
Воевода, хитрый лис,  
Хану выкрикнул:

– Уймись!

Я даже слов не нахожу...  
Позвольте же переспрошу:  
Кому дать форы ты решил?  
Давно никто так не смешил!

Карган надменно поднял взгляд,  
И свечи больше не горят.  
Взмахнув плащом, он вдруг исчез.  
Сквозь пол промчался, словно бес.  
От страха все пришли в смятенье:

– Хан – человек или виденье? —

Вопрос повис под сводом зала,  
И всем вдруг стало не до бала.

Народ помчался из дворца,  
На многих не было лица.  
Любомира входит в зал:

– Что он Вам, отец, сказал?

Силамей лишь рассмеялся.

– Разговор-то состоялся?

– Хан Карган на смертный бой  
Выйти вызвался со мной.  
Завтра утром ровно в восемь  
Жребий у оврага бросим.

Любомира удивилась:

—И зачем я удалилась?  
Затянулся маскарад.

– Я и сам уже не рад,  
Но уверен и спокоен:  
Он мальчишка, а я – воин!

– Не сомкнуть мне ночью глаз.  
Помолюсь, отец, за Вас.

Ночь бесконечно длилась.  
Царевна утомилась,  
Под утро задремала  
И проспала немало.

– День настал, в зените солнце.  
Госпожа, открыть оконце? —  
Дуняша молвила сердечно.

– Благодарна буду вечно, —  
Отвечала дочь царя,  
Без причин себя коря.

На локтях приподнялась:

– Как же я так заспалась?  
Царь уж, верно, возвратился,  
С чужеземцем расплатился.

– Нет, – Дуняша отвечала:  
– Я его не примечала  
Ни в конюшне, ни в палатах,

Ни в рубахе и не в латах.

Удалив служанку с глаз,  
Дочь царя без лишних фраз  
Невпопад защебетала,  
Её новость угнетала:

– Пялю очи на забор,  
Но отца нет до сих пор?

День прошёл, в округе тишь.

– Дочь свою, отец, услышь!  
Где ж Вы, батюшка, что с Вами?  
Заливаюсь я слезами.  
Не пугайте свою дочь,  
Так страдать душе невмочь!

Любомира безутешна —  
Поиск вёлся безуспешно.  
Судьба отца от дочки скрыта  
Кусками горного гранита,  
Лесною чащей и оврагом —  
Там не пройдёт прохожий шагом.  
Тут царь свой коротает век,  
В обличье волчьем видя свет.

Лишь на рассвете два часа  
Ему дарили небеса:  
Сменяла кожа волчью шкуру,  
Царь обретал свою натуру:



– Попав Каргану на забаву,  
Утратил облик и державу!  
Зачем пошёл к нему на встречу  
Один, теперь и не отвечу.  
Лишь помню взмах его плаща —  
И я бреду, очаг ища.

Тут волк нос мокрый облизал:

– Ах да, он, вроде бы, сказал:  
«Вот так ирония судьбы!  
От рук своей же голытьбы  
Ты шкуру береги свою!  
Падёшь, сражённый не в бою,  
А словно дряхлый пёс бездомный  
В груди своей с дырой огромной!  
Лишь забредёшь в родимый край —  
Тебя свои ж спровадят в рай!»

Хан был весьма искусным магом,  
Дар свой считал великим благом.  
Врождённым, не в трудах привитым.  
День канул, стал уже забытым.  
Хан во дворец с визитом рвётся:

То в дверь плечом своим упрётся,  
То бьёт с усердьем кулаком,  
То барабанит каблуком.  
Проём с трудом, но миновал,  
От счастья хан возликовал,  
Но в приёме в поздний час,  
Получил Карган отказ.  
Не желая злить девицу,  
Глаз и сердца чаровницу,  
Он настаивать не смел:  
Планов множество имел.  
Хан шёл дворцовым коридором,  
Как вдруг его предстала взорам,  
Столь интересная картина:  
В тронном зале у камина  
Дуня хлопает глазами,  
Обливается слезами,  
Шлёт проклятье на судьбу.  
Вдруг услышала ходьбу.

– Как шальное, сердце бьётся.  
Кто во тьме, как вор, крадётся?

Вытирая юбкой слёзы,  
Не меняя даже позы,  
Дуня спрашивала в страхе.

– Нынче ты в своей рубахе?

– Вам-то, барин, что за дело? —  
Говорит Дуняша смело.

– Отчеканила ты бойко.  
Пожалеть хотел и только,  
А ведь я могу помочь...

– Да пойдите лучше прочь!  
Говорили, что любима,  
Благ сулили мне помимо,  
Обещали звать женой,  
А избрали путь иной.  
Пять минут прошло – гляжу,  
Охмуряет госпожу.  
Чести в Вас на медный грош!

– Ты, служанка, что несёшь? —  
Злобный взгляд метнул Карган, —  
Разве я творил обман?  
Кого ты смеешь обвинять?  
Перестань сначала лгать.

– Не моя это вина!

Я ведь, барин, не вольна, —  
Дуня села от испуга, —  
Не хозяйка я, прислуга.  
Я играла свою роль.  
Вы вообще не мой герой.  
Отношусь к Вам безразлично,  
Я б отвергла Вас публично,  
Да сценарий был иным.  
Как поспорить было с ним?  
Мне другой запал в сердечко —  
Заберите, хан, колечко.

– Не кручинься, успокойся.  
Мне в глаза смотри, не бойся.  
Поможешь мне – так я в ответ  
Тебе продам в мечту билет.  
В делах любовных я знаток,  
Могу любую ввергнуть в шок.

– Вот это, барин, дарованье.  
Так что же с госпожой свиданье  
Не возымело результат?

– Через три дня я буду рад  
Её назвать своей женой,  
И это будет ерундой.

Через неделю жди сюрприз —  
К тебе сватов пришлет маркиз.  
Богатством будешь наслаждаться:  
В камнях, бархате купаться.  
Тебя не смогут урезонить,  
Когда в шелках начнёшь фасонить.  
Всё это ради дружбы нашей.

Хан нежен, ласков был с Дуняшей:

– Совсем забыл: здесь бродит волк,  
Готовый скушать целый полк.  
Его бы надо подстрелить,  
Чтоб кровь невинных не пролить.  
Придать готов войскам я силы.

– С чего бы это Вы так милы?

– Возьми вот этот пузырьёк,  
Я много лет его берёг.  
Плесни в обеденный котёл,  
Когда дружина на костёр  
Его поставит вскипятить.

– Чтоб стала войску я вредить?  
Такой ценой не нужен брак!

– Ты поняла меня не так.

– Иначе как же Вас понять?

Желая госпожу обнять,  
Хотите нашу рать сгубить,  
А я должна Вам подсобить.  
Так знайте – я не продаюсь!  
Вас, кстати, тоже не боюсь!  
И до маркиза мне нет дела —  
Я не о нём мечтать посмела.

Хан поднял девушку за плечи,  
Потухли на камине свечи.  
По телу разлилось тепло.

– Мне что-то сердце обожгло...

Дуняша хочет удалиться,  
Но трудно ей пошевелиться.  
Она пытается вздохнуть,  
Однако нечто давит грудь.  
Глаза распахнуты широко,  
На них спустилась поволока.  
Дуняше будто снится сон,  
Но до того реален он:

Найдя с обедом котелок,  
Служанка вскрыла пузырьк.  
Не озиралась, не спешила,  
До дна в котёл опустошила  
Всё содержимое сосуда,  
И в тот же миг ушла оттуда.

С глаз Дуни пала пелена,  
Она очнулась ото сна.  
Обводит зал уставшим взглядом,  
Сидит с ней старый воин рядом:

– Вся наша доблестная рать  
Теперь не хочет воевать!

Дуняша машет головой.

– Всяк мыслит, будто он герой...  
К тому же есть еще напасть.  
Чтоб серой бестии пропасть!  
Волк ночью у ворот шатался,  
Стрел наших метких не боялся!  
Какой-то бешеный зверёк —  
Никто его убить не смог!  
За шкуру хан сулит награду...





– Ты говоришь, нет с войском сладу?  
Про это знать должна подробней.

И Дуня села поудобней.

– Посты проверить отлучился,  
Назад вернулся – поразился!  
Дружина не идёт в дозор!  
Да это, так сказать, позор:  
Свои оставили посты,  
А сердце с совестью чисты!  
Гоняются за шкурой волка,  
Твердят, что серый – не иголка!  
А в государстве произвол,  
И если б враг на нас пошёл...

Тут, кто-то крикнул из народа:

– Чего ворчишь там, воевода?

– Я всех сильней! Кого бояться?  
Мне нет нужды обороняться!

– Ты нам отныне не указ!  
Отказ ждёт на любой приказ!

Вояка глубоко вздохнул  
И к их дискуссии примкнул:

– Вы не солдаты! Шайка, сброд!  
Позор на ваш никчемный род!  
Вот погодите – царь вернётся.  
Он с вами быстро разберётся!

– Ты не стыди нас и не трогай,  
Иди, старик, своей дорогой!  
Начальство попросту долой!  
Ты не один в боях герой.

– Я быть царём сих мест хочу,  
А недовольных проучу!

– И я желаю быть при власти!

Меж воинов кипели страсти.

– Я, как наставник, не согласен!  
Порыв преступен и ужасен!  
Недоброй слышится мне речь,  
Сей разговор хочу пресечь.

Но споры дальше продолжались.

– Да вы бы так в бою сражались...

Тут всё смешалось воедино.

Не слишком милая картина:

Кричат, ругаются, дерутся.

– Они не в шутку, насмерть бьются! —

Ужасается Дуняша.

Вояка шепчет:

—Воля Ваша,

Но до каких, позвольте, пор,

Решать мы будем этот спор?

Тянет Дуня воеводу, увлекая за собой:

– Объясни-ка поточнее, седовласый наш герой:

Кто из дружины борщ отведал,

А кто нынче не обедал?

– Лишь караульные не ели.

Они сейчас у старой ели.

– И много эдаких ребят  
Мечами в честь царя звенят?

– Боюсь, немного – три солдата,  
Но это смелые ребята.  
Север, запад не пройти —  
Ров там вырыт – «не шути».  
У южной крепости со мной  
Караул нёс Ратобой.  
Владесил у стен восточных,  
Возле двух холмов песочных.  
Ну, а ловкий Победан  
Послан мной во вражий стан.  
Затевать нельзя войну —  
Жизнь монарха на кону.

– Милуй, хочешь, иль казни,  
Но, однако, уясни:  
Это я всё твоё войско погубила на корню.  
Под гипнозом колбу зелья подмешала им в меню.

– Ты в уме? Совсем сдурела?

Дуня сжалась, покраснела,  
И пустилась наутёк,  
Вытирая слёз поток.

А старик седой – за ней,  
Брови хмурит всё страшней.  
Коридор покинув длинный,  
Забегают в зал каминный.  
Там, упав царевне в ноги,  
Просит Дуня о подмоге:

– Не вели казнить, царевна!  
Я виновна!

– Это верно! —  
Вмешался пылко воевода, —  
Погибель нашего народа!  
Ожидать теперь нам смуты!  
Может в эти же минуты  
Зреет заговор какой...

Дуня слёзы льёт рекой.

– Наше мудрое величье!  
Поругайте для приличья  
Это мерзкое создание!  
Ну хотя бы в назидание!

Дуня об пол бьётся лбом,  
Сотрясая целый дом.

– Решение надобно принять,  
Как этих деспотов унять.

Царевна строго посмотрела:

– Вот так бы чем-то и огрела!  
Иди, займись полезным делом.  
Хочу понять картину в целом.  
Проверь, старик, надежда есть:  
Хоть у кого-то совесть, честь  
Остались в нашем государстве?

– Мы наведём порядок в царстве! —  
Бросает воин на бегу, —  
– Всех к долгу силой привлеку!

Дуняша мечется, как в клетке,  
Уж извела вконец салфетки  
И, выбегая за порог,  
В слезах покинула чертог.  
Тут хан с визитом к Любомире:

– Решим ли мы вопрос о мире  
Сегодня, завтра иль на днях?

Нахально хан застыл в дверях.

– Нам не найти ответ вдвоём.  
Я назначала Вам приём?  
Прислала утром приглашенье?  
Иль Вы подали мне прошение?  
Что привело ко мне Вас, хан?

Слегка поморщился Карган.  
Надменность девы унижала,  
А Любомира продолжала:

– Вот Вам, любезный, мой ответ:  
Вы застилаете мне свет.  
Вы не даёте мне дышать.  
И впредь намерены лишать  
Меня возможности хоть час  
Не замечать повсюду Вас?  
Аудиенции конец.

– Ух ты, какая молодец!  
Итак, что мы теперь имеем?  
Покончив с грозным Силамеем,  
Что без царя его народ?  
Не войско, а какой-то сброд.

Платок, царица, теребя,  
От слов сих вышла из себя:

– У них сила, доблесть, честь!

– А моих бойцов не счесть.  
И все крепко держат меч.  
Вражьи царства не сберечь  
Ни имущество, ни земли!  
Так что, Любомира, внемли.  
Утоли безумства страсть,  
Мне отдай над сердцем власть!

Очень сдержанно и кротко  
Любомира цедит чётко:

– По закону государства  
Наше доблестное царство  
Из-за дальних гор, морей  
Не берёт себе царей.

– Ах ты ж горлинка моя!  
Карты на кон не тая,  
Я даю тебе три дня:  
Или выйдешь за меня:  
Всё решив любовно пиром,

Станешь царствовать над миром,  
Или будь к войне готова!  
Вот такое мое слово.  
Я сдержу его, поверь.

Вышел хан, захлопнув дверь,  
Да слегка плечом задел  
Воеводу.

— Беспредел, —  
Буркнул небрежно вояка.  
Назревала, вроде, драка,  
Но Карган в порыве страсти  
Так ответил местной власти:

— Ничего. Три дня пройдут —  
Господином стану тут!



Воевода поперхнулся,  
Неожиданно споткнулся,  
Объяснений будто ждал —  
Хан уже покинул зал,  
Где царевна бродит тенью.

– Мы готовы к нападению?  
Кто подскажет, кто поможет?  
Кто по полкам всё разложит?  
Воевода, старый плут,  
Ты, я вижу, снова тут.

– Здесь, как будто, я на месте.  
Ходит слух – дурные вести?

– Хуже некуда. Ответь:  
Кто способен умереть  
За отчизну и царя?

– Прежде, честно говоря,  
Он и вёл нас в бой обычно.  
Всё теперь так непривычно...  
Мы отличные солдаты:  
Ни к чему нам шлем и латы.  
Каждый смел, силен из нас,

Но вот нынче мой приказ  
Я не знаю, кто услышит.

Любомира еле дышит:

– Своим доблестным полком,  
Превосходство над врагом  
Доказали Вы не раз.  
В ратном деле всяк из Вас  
Не бывает победим.

– Эдак мы с тобой хотим.  
Я скажу тебе, любя:  
Войска нет, всяк за себя!  
Бойцы не слушают меня,  
Разбой и глупости чиня.  
Нет для них авторитета,  
Они не требуют совета.  
Не поставишь даже в строй:  
Каждый мнит, что он герой.  
А лошадь без поводыря —  
Как без солнышка заря.

– Коль Вы не в силах разобраться  
Кому кто должен подчиняться, —  
Сказала Любомира властно, —

Что ж, замечательно, прекрасно.

Я предлагаю в этот раз

Нарушить древности указ —

Сама возглавлю нашу рать!

– Да где ж в твой полк безумцев взять?

Царевна, разве это дело?

Уволь вояк от беспредела:

Чтобы воинствующий народ

За юбкой двигался в поход —

Прошу за всех, ну не срами!

Мечты безумные уйми.

Я не сумел их убедить —

Как сможешь ты руководить?

– Кружится голова от дум.

В ней мысли нету, только шум.

Оставь меня, я думать стану,

Как не отдать земли Каргану.

Ни слова воин не сказал,

Смиренно покидая зал.

Итак, мы в царстве силачей,

В котором трон пока ничей.

Царевна в выборе вольна:

Чужак на троне иль война.

Дуняша возле госпожи.

– Что делать? Небо, подскажи!

Да это впрямь уже не шутки!

Царь пропадает где-то сутки,

На войско нынче нет надежды,

Кругом предатели, невежды!

Лишь воевода и три брата —

Я нынче и такому рада!

Тут без доклада князь заходит,

С Дуняшки глаз своих не сводит.

– Я понимаю, что спешу,

Но я Вас искренне прошу...

Царевна смотрит где-то рядом

Уставшим, безразличным взглядом.

– Князь, нынче не до сватовства,

Без вас кружится голова.

Я откажу Вам, так и знайте.

– Да Вы Дуняшу мне отдайте.

Царевна выпрямилась в миг:

– Мой слух Вас правильно постиг?  
Вы про служанку говорите  
Или мне голову дурите?

Князь ухмыльнулся безнадёжно:

– Такая шутка невозможна.  
Мне без неё и свет не мил!

– А как зовут-то Вас?

– Ратмир.

– Ну что же, позовём невесту.  
Ду-ня-ша! Ты была б здесь к месту.

– Уже иду! О Боже мой!  
Я стану княжеской женой!

Дуняша выпрямила спину  
И сделала такую мину.  
Прошлась туда, сюда, обратно,  
Цедя доходчиво и внятно:

– Сейчас к ответу не готова,  
Мне всё, здесь сказанное, ново.  
Надежд не смею отнимать,  
Хотя должна бы «нет» сказать.

На этом Дуня удалилась,  
А сердце, как шальное билось.  
Царевна развела руками:

– Ответ, князь, Вы слышали сами.

– Я нипочём не отступлюсь,  
В лицо всем трудностям смеюсь.  
Моя рука, мой щит, мой меч  
Готовы трон для Вас сберечь.

– Благодарю, что в этот раз  
Могу рассчитывать на Вас.

Князь поклонился, вышел прочь,  
На край же тот спускалась ночь.

Голодный, без любви и ласки,  
Царь ко дворцу брёл в волчьей маске.  
Шёл он с оглядкой, осторожно,  
Заметить было невозможно:

– Неужто царский мой оплот —  
Искать кончину средь болот?  
Здесь знаю каждую тропинку,  
Не то, что куст – цветок, травинку!

Не скупился царь на вздохи:

– Spина болит, кусают блохи.  
Достал бы средств от кровопийц,  
Противных, маленьких убийц —  
Жаль, не предвидел перемен.

Добравшись до дворцовых стен,  
Сел под окнами у дочки  
Ожидать финал той ночки.  
Царевна безутешно плачет,  
Вокруг неё Дуняша скачет.

– Слезой сменяется слеза,  
Опухли носик и глаза.  
Я не могу на Вас глядеть,  
Самой уж в пору зареветь!

Царевна снова смотрит вдаль:

– Нет тебя, батюшка, а жаль!  
Мои надежды на исходе!

– Рассвет, царевна, на подходе,  
А Вы не думали ложиться!  
Так, Ваша милость, не годится!  
Чего лить слёзы-то напрасно?  
Ещё ведь ничего не ясно.  
Вот выдумали-то систему!

Царевна поменяла тему:

– Дуняша, я спросить хотела:  
А отчего ты покраснела,  
Когда сказала князю «нет»?

– Вообще-то это мой секрет.  
Ну Вам уж, так и быть, скажу:  
Я от волненья вся дрожу!  
Его лицо, глаза, манеры...

– Уволь выслушивать примеры.

– Зачем брать, барышня, на крик?  
Сейчас отвечу напрямик:  
Да, он мне люб! Чего скрывать?

Но я хотела показать,  
Что тоже кой-чего, да стою!

– Ты ж говорила мне весною,  
Что твоё сердце не пробить,  
Что неспособна ты любить.

Царевна честно удивлялась.  
Дуняша хитро ухмылялась:

– А кто из нас не ошибался?  
Князь идеалом оказался,  
Я и представить не могла,  
Что дичь такую увлекла.  
Но верьте: я не притворяюсь.  
Под его взглядом я теряюсь,  
От слов его дрожу и млею,  
Без вин с ним рядом я хмелею!



Царевна резко развернулась:

– Что-то у двери шевельнулось.

Во тьму служанка присмотрелась,  
Куда-то смелость её делась:

– Похоже, зверь какой-то! Волк!

Дуняша, позабыв про долг,  
Хозяйку бросила свою.

– Вас в руки Божьи отдаю!  
Сейчас не время лить мне кровь —  
Я нынче встретила любовь!  
Молиться буду, чтобы зверь  
Не мог открыть наружу дверь!  
Набрав за счёт Вас нужный вес,  
Быть может, уберётся в лес!

Смахнув ладонью пот со лба,  
Дуняша села у столба:

– Надеюсь, Вам уже не больно!

Мне вдруг подумалось невольно:  
Вы так худы – одни костяшки!  
Не то, что тело у Дуняшки.  
Возможно, зверь ещё не сыт,  
И путь ко мне ему открыт.  
Я прожила настолько мало!

Тут Дуня в обморок упала.  
Мгновеньем позже дочь царя  
Должна стать жертвой упыря.  
Царевна смотрит, не мигая:

– Так вот судьба моя какая?

Вдруг озарил покои свет:  
Волк испарился – его нет.  
На месте зверя царь стоит,  
С дочуркой нежно говорит:

– Как я скучал – не передать!  
Ну хватит, деточка, рыдать!

Прикрыл царь окна, запер дверь:

– Нас не подслушают теперь.  
Я скоро снова стану волком.

– Да как же? Объяснитесь толком!

– Я прежний в сутки два часа.

Дуняша молвит:

– Чудеса! —

Дверь отворяя нараспашку.

Царь строго смотрит на бедняжку:

– Опять Дуняша тут, как тут,

Хотя её и не зовут?

Куда нам от тебя укрыться?

– Негоже Вам на Дуню злиться!

Я чуть не померла со страха!

Решила: вот господня плаха!

А мысли все о госпоже —

Я очень добрая в душе!

– Довольно, Дунечка, об этом.

Пренебрегая этикетом,

Хотел бы к делу перейти.

– Отец, нам земли не спасти.  
В войсках разброд, Карган лютует,  
Дуняша с Князем всё воркует.  
Настала тяжкая пора:  
Хан добрый люд собрал вчера,  
За вашу жизнь, сомнений нет,  
Назначил, видно, сто монет.  
Нам в помощь нынче из вояк  
Лишь трое преданных рубак,  
И воевода к ним в придачу.

– Вы усложняете задачу! —  
Вмешалась Дуня, как обычно, —  
За князя я ручаюсь лично!  
Он ловок, смел, хорош собой,  
Ему не по сердцу разбой!  
Хотим мы или не хотим:  
Союз с ним нам необходим!

– Тогда зови всех пятерых.  
Мне надо срочно видеть их.

За четверть часа собрались.  
Царёвы очи напряглись.  
Он взглядом каждого измерил:

– Не до конца я Вам поверил,  
Но так как время не со мной,  
Не представляю путь иной.  
Придётся всем, что есть, рискнуть:  
Утратить царство иль вернуть.  
Сомнения в сторону – и точка!

Царя перебивает дочка:

– Отец, у Вас разбита бровь,  
По скулам струйкой льётся кровь.  
Прошу, позвольте кликнуть слуг?

– Подумаешь – какой недуг!  
Чуть позже, детка, погоди,  
Дай разузнать всё, отойди.

Он сел удобней на кушетку.

– Кто ночью хаживал в разведку?

Воевода поклонился:

– Благодетель, с ног я сбился.  
Этой ночью Победан  
Послан был во вражий стан.

Последний в раз переместился,  
К царю учтиво обратился:

– Мне нынче с места не сойти,  
Не смог я Вас к утру найти.  
Как во дворец Вы пробрались?

Ручьём вопросы полились:  
«Куда, зачем, когда, откуда,  
Насколько было ему худо?»  
Царь смотрит в очи Победана:

– Так что насчёт бойцов Каргана?

– Невероятно, чудеса!  
Я обошёл поля, леса,  
Но не нашёл его вояк,  
Хотя искал и так и сяк.  
Бродил, царь, в поисках я долго,  
Во мгле ночной приметил волка.  
От скуки в серого пальнул,  
Однако хищник увильнул.  
Блефует хан – давно всем ясно!

Царь возражал:

– Увы, напрасна  
Твоя надежда и ничтожна.  
В победу верить нынче сложно.  
Как бы то ни было ужасно,  
Каргану магия подвластна.  
Он может спрятать гарнизон  
В простой нагрудный медальон.  
Держава наша на кону.

– Отец, он Вас держал в плену?  
Пытали Вас? Откуда кровь?

Царь приподнял над веком бровь:

– Я думал, будет честный бой.  
Взял только верный меч с собой.  
Карган наигранно, с ухмылкой  
Весь отдавался речи пылкой  
О том, что смерть моя близка,  
Но жизнь ничтожней волоска  
Прервёт не недруга рука,  
А тот, кто предан мне пока.  
Тотчас плащом своим взмахнул,  
И я сном праведным заснул.  
Очнулся у плиты гранитной.

Судьба казалась незавидной:  
Лежал я не на царском ложе —  
На дне оврага в волчьей коже.

Разведчик резко возразил,  
В речах его испуг сквозил:

– Не может быть! Царь наш в бреду!

– Сказал я правду на беду.

Смутился тут же старший брат:

– Так я пред Вами виноват?  
Вам рана мной нанесена?

– Умом твоим потрясена! —  
Царевна не в себе от страха,  
В ладони стукнула с размаха, —  
Карган – волшебник, маг, колдун!  
Отец мой не какой-то лгун!  
Я волка этого видала!

Тут Любомира зарыдала.  
Очнувшись, Дуня от порога  
Весьма внушительно и строго

Кричит, как будто все глухие:

– У хана помыслы плохие!

Я подтверждаю, что Карган —

Маг, чародей и интриган!

Готова совершить признание:

Попав к Каргану под влиянье,

Я отравила войско наше!

– Вот так безвинная Дуняша! —

Съязвил служанке Владесил.

Обиды князь с трудом сносил,

Однако в этот раз сдержался.

Но средний брат не унимался:

– Сгубила свой родной народ,

И зубы скалит во весь рот!

– Не насмехайся, я виновна.

– А кто же спорит? Безусловно!

Врагов не надобно с тобой!

Тут князь не смог владеть собой:

– Позвольте Вам заметить, сударь,  
Что Ваша боевая удаль  
Обязывает к обхождению...

– Вы, видно, склонны к заблуждению?  
Я не намерен был доньше  
Служить прислуге, как богине!  
И не в твоей, князь, будет власти  
Мне помешать порвать на части  
Такого выскочку, как ты-!

Дуняша брызнула воды  
В лицо надменного вояки.  
Вмиг ополчились забияки.  
Сверкнули острые клинки,  
Но молвил Силамей:

– Сынки!  
Опомнитесь, не погубите!  
Немедля в ножны меч вложите.  
Устроить бум из-за девицы,  
Когда в опасности границы?  
Отныне распри позабыты!  
Отчизна требует защиты!  
Вот, забияки, мой наказ:  
Стеречь царевну пуще глаз,

Стоять на страже день и ночь,  
А ты раскинь мозгами, дочь,  
Как люд от глупостей сберечь,  
Каргана пылкого отвлечь  
От притязаний в эти дни.  
Он всё ж нам, дочка, не сродни.

Царевна поправляет платье:

– Кто снимет с Вас его заклятье?  
Ответьте дочке, не тая!

– Я опасаюсь, плоть моя,  
Лишь хан знаток того рецепта,  
А значит, нынче моя лепта —  
Его найти и всё разведать,  
Так что придётся не обедать.

Царь снова принял облик волка.

– Надеюсь, это ненадолго? —  
Шепнула Дуня, встав за дверь,  
Чтоб не заметил страшный зверь.

Тут воевода говорит:

– Душа и стонет, и кипит,  
Как победить нам вражье племя?  
Князь, Ваше мненье?

– Выиграть время.  
В народ уверенность вселить,  
Отвлечь от дум, развеселить.

Царевна гордая стоит,  
Взволнован взгляд и внешний вид:

– Я знаю, как нам поступить.  
Пора турнир возобновить.  
Тащи, Дуняшенька, чернила,  
Бумагу, перья-...

– Обронила!  
Уже подняла, обмакнула, пишу!

– Следи за грамматикой только, прошу!  
Помарок, помнится, немало  
В твоём писании бывало.

Дуняша в краску:

– Вот позор...

Вы, госпожа, как ревизор!  
Враньё всё это и навет!  
Так Вы диктуете иль нет?

– Пиши: «В столь сложные минуты  
Царь не желает в царстве смуты,  
Всех просит жить в согласье, мире,  
Служить с охотой Любомире,  
Его наследнице по крови...»  
Не хмурьте, воевода, брови.

Царевна повела перстом:

– Пофилософствуйте потом,  
Я вздор сей слушать не желаю.  
Пиши, Дуняша, продолжаю:  
«...Теперь царевна Вам закон.  
К полудню, выйдя на балкон,  
Объявит, жители, для Вас,  
Утверждённый мной указ».

О том подробно, без прикрас  
Знал каждый в царстве через час.  
А воевода, князь и братья  
Себе придумали занятия:  
Несут безропотно дозор,

С центральной башни пяля взор.

Царевна с Дуней у камина:

– Настала страшная година.

Не ждали эдакой напасти,

Мир треснул, будто бы, на части!

Так всё нескладно, несуразно...

– Что убиваться-то напрасно? —

Дуняша повернулась к свету, —

Пора сменить нам тему эту!

Я от природы любопытна.

Быть может, это незавидно,

Но нет у Вас других подруг.

Вот от того за ряд заслуг

Мою жажду утолите,

В тайну сердца посвятите!

На том с надеждой умолкаю.

– О чём ты, Дуня? Не смеаю.

Дуняша жар не понимает:

– Ах, госпожа не понимает?

Даны глаза нам от природы:

Красавцы есть, а есть уроды.  
У каждого свой личный вкус:  
Кто любит дыню, кто – арбуз.  
Признайтесь: кто Вам по душе?  
Тону в догадках я уже!

– Вопрос твой, Дуня, неприличен.

– Откройте, кто Вам симпатичен!

– Прости, я имя его скрою.  
Одним, быть может, успокою:  
Он нынче с нами заодно.

– А он Вам нравится давно?

Глядит царевна без укора:

– Ни слова больше, полдень скоро.

Она выходит на балкон,  
Мелькнули лица у окон.  
Знак подает она для всех,  
И взгляды устремились вверх:

– Чтоб исчерпать часть притязаний,

Я допущу до состязаний  
Любого, кто блеснуть захочет,  
И в том себе успех пророчит.  
Три испытанья смельчакам  
На усмотренье своё дам:  
Бой рукопашный – это раз.  
Кто с этим справиться из Вас,  
Намяв сопернику бока  
Так, чтоб запомнил на века,  
Докажет нам, что он силач.  
Избегнув в этом неудач,  
Покажет в битве, как он смел.  
Пусть убедит нас, что умел  
В искусстве фехтовать мечом.  
Кто станет лучшим – наречём  
Царём народу, мне – супругом,  
Земле – защитником и другом.  
Так, значит, завтра поутру,  
Перед дворцом Вас соберу!

Народ бросает шапки вверх.  
Хлопки слышны и громкий смех.  
Тут Хан сквозь зубы молвит звучно:

– Царевне, видно, стало скучно?  
Что ж, я развлечь её не прочь,

Лишь срок к раздумью не просрочь —  
Иначе учиню расправу!  
Лишь двое суток на забаву.

Царевна скрылась за портьерой,  
Прикрыв лицо накидкой серой:

– На что решилась, не пойму.  
Вдруг я достанусь не тому?  
От беспокойства сердце мрёт,  
Как бы узнать всё наперёд?

Царевна вдумчиво молчала,  
Дуняша, что-то отвечала,  
Затем куда-то отлучилась  
И лишь под утро заявила.  
Любомира ж до рассвета  
Не сводила глаз с портрета  
Того самого юнца,  
Ратных подвигов бойца,  
Что красой её пленился  
Да взаимности добился.  
Правда, он тогда не знал,  
Кто о нём в ночи вздыхал.  
Тут замок на двери – щёлк,  
И в покои входит волк.

За ним, с постов своих спеша,  
Проникли в залу сторожа.  
Дуняша ходит взад-вперёд:  
То сядет, то наоборот.  
Царь прошептал ей от дверей:

– Дуняша, выдержку имей.  
Стой, говорю, не суетись!  
На край скамеечки садись.



Она присела на скамью,  
Вскочила:

– Я воды попью?

Махнул царь, что не возражает,  
И еле слышно продолжает:

– Удалось узнать немало,  
Расскажу о том сначала.  
Обратившись утром в зверя,  
Брёл я, в везение не веря,  
И вдруг наткнулся на шатёр,  
В нём на костре кипел котёл.  
Я влез вовнутрь, ткнулся в тряпки,  
Уснул в тепле, раскинув лапки.  
Вот тут привиделся мне сон.  
Услышал я бокалов звон:  
Вокруг котла сидели трое,  
Я пригляделся – что такое?  
Все трое – наш колдун, Карган!

– Неужто сам заморский хан?

На столь несдержанную фразу  
Ответил дочке царь не сразу:

– Я расстроился, представь:  
Виденье это было явь.  
Один из них пудовый пень  
Вертел на пальце целый день.  
Другой – мечом с обеих рук  
Рубил искусно своих слуг,  
А третий спины им ломал,  
В борьбе досуг свой коротал.

Дуняша, выкатив глаза,  
Дивилась:

– Вот так чудеса!

Царь продолжает свой рассказ:

– Когда огонь в шатре погас,  
Отвар был выпит до конца.  
Соединились три лица,  
И хан, как прежде, стал един:  
Не три Каргана, а один.

Царевна смотрит на отца:

– Нет неприятностям конца!  
Теперь все трое в нём одном?  
Не назовешь такое сном.  
Не слишком радостная весть.  
Карган смог каждый пункт учесть!

Дуняша, молча, пьёт свой квас.

– Ему известен мой указ,  
Отсюда это поведенье.  
Оно, увы, не совпадение —  
Он жаждет всех нас поразить!

– Позволь-ка, доченька, спросить:  
Что ж ты велела, речь о чём?

Царевна повела плечом:

– Был договор народ отвлечь,  
Чтоб государство уберечь?  
Так вот, мне и пришло на ум,  
Среди моих тревожных дум —  
Пусть завтра будут состязанья.

– Его какие притязанья?

Хан, вроде, не из наших мест.

– Так, чтобы он не слал протест,  
Я допустила всех к борьбе.

– Да ты, дочурка, не в себе!  
Погибнет наш народ зазря  
От чужеземного царя!  
Не год – века чтим мы закон  
Не допускать чужих на трон!  
Давая жизнь ему вторично,  
Я утвердил все пункты лично.  
А ты закон тот по незнанию  
Подвергнешь нынче испытанию.

Царь посмотрел на дочь сквозь слёзы:

– Я ждал из прошлого угрозы,  
Но думал, что не так всё страшно,  
А впрочем, нынче то неважно.  
Я мать твою любил безумно,  
Но поступил раз неразумно:  
Ещё помолвки день далёк,  
Несогласован её срок,  
А мир единым стал для нас.

Царь вытер слёзы с щёк и глаз:

– Нет её краше и стройней.  
Я не один мечтал о ней:  
Конечно, были земляки  
Средь соискателей руки,  
А так же хитрый прохиндей,  
Какой то яростный злодей,  
Из неизвестных нам земель.  
Была понятна его цель:  
Её он стать женой просил,  
Мне смертью лютою грозил.  
Но я угроз-то не боялся,  
И от неё не отступался.  
Я был царём, силен, любим,  
А что стоять могло за ним?  
Я с ним сражался, победил.  
Не смог убить и отпустил.

Любомира молчала, однако глаза  
Иногда заполняла скупая слеза:

– Вы казните себя, какова же причина?

– Преждевременной стала царицы кончина,  
Потому что я был малодушен в тот миг.

Пробурчал Силамей и как будто бы сник.  
Он поднялся и, видно, продолжить желал,  
Но в обличии волка уже прибывал.  
Любомира его потрепала по шерсти:

– Одолеем все трудности, батюшка, вместе.

Волк смотрел на неё, словно преданный пёс,  
Вдруг к служанке приник, тыча в Дуню свой нос.  
Вопросительный взгляд сверлит очи Дуняши:

– Ты мне что-то желаешь сказать о мамаше?

Побледневшая Дуня, скрывая свой лик,  
Заявила:

– Нельзя распускать нам язык,  
Ведь расстраивать царскую дочку грешно!  
А с другой стороны – видно, время пришло.

Царевна на Дуню направила взор:

– Ты мне не открылась? Вот это позор!  
На прочность решила проверить ты дружбу?

– В ту пору меня только взяли на службу.  
Мы все поклялись сохранить сей секрет!  
Верна я той клятве почти что пять лет!  
Слух далёко разлетался,  
Меж собой весь двор шептался.  
Мамаша Ваша раз молилась:  
Пред ней фигура появилась.  
Царица очень испугалась,  
На помощь звать она пыталась:  
Признала страшный силуэт  
Спустя почти пятнадцать лет.  
Так вот, ей голос говорит:  
«Душа во мне, как смерч, горит!  
Не смог тебя я позабыть!  
Сердечной раны не закрыть!  
Сражён твоею красотой,  
Будь мне любимую женой!  
У меня есть две жены,  
Ну а третьей будешь ты!»

– А что ж мамаша отвечает?

– Что просьбу эту исключает.  
Мол, ждёт отказ его вторично.  
Гость обернулся энергично,  
Крича: «Всему же есть придел!

Такой ответ меня задел!»  
Поднёс сосуд к губам любимой,  
И заставляет выпить силой.

– Так это он её сгубил?

– Меня Ваш вопль с мысли сбил!  
Не надо в ухо мне вопить...  
О чём я? Вот и мысли нить!  
Царевна колбу вырывает,  
В лицо злодею выливает,  
И грозно шепчет: «Что смеёшься?  
В этот раз-то не спасёшься!  
Хочешь видеть Силамея?»  
Гость поднялся, багровея,  
Говорит: «Давай, зови!  
Я жил в горе, он – в любви!  
Разрешим наш долгий спор!»  
И глядит на дверь в упор.  
Та как будто поддаётся,  
Грохот жуткий раздаётся:  
Царь вбежал с мечом в руке,  
Без кольчуги, налегке.  
Выпад резкий, быстрый взмах —  
Гость сражён, злодею крах!  
Все сбежались разом в зал.

Вот тогда он и сказал:

«Вам теперь не жить уж вместе!

Я заслал сватов к невесте.

Заложил и жизнь, и душу:

Пусть любви не обнаружу,

Но в иной мир провожу!

И ещё одно скажу:

Царство Ваше ждёт кончина,

Чужеземный царь – причина!

Пусть сегодня побеждён,

Но я буду отомщён!

Подрастает мой сынок —

Он и сгубит царство в срок.

Вам с ним не справиться, поверь.

Теперь ты чашу горя пей».

На том он дух свой испустил,

А через месяц двор грустил —

Ушла в рассвете сил царица,

С чем Ваш отец не смог смириться.

Подробнее не скажу об этом —

Пять лет уж будет этим летом.

Вояки начали роптать:

– Чего теперь уже гадать?

Ни к чему знать наперёд,

Кто, когда из нас умрёт.

– Кто кару сыщёт, кто – победы  
Кому – радость, кому – беды...

– Кому – триумф, кому – забвенье.  
Найдёт кто гибель, кто – спасенье.

– Пусть даже против колдовства  
Не хватит сил и мастерства  
У царских врат, в стенах дворца —  
Мы будем биться до конца! —  
Закончил страстно Ратобой.

– Сказал бы царь: «Я горд тобой!»,  
Но нынче я – его уста,  
И пусть задача непроста,  
И не добиться с ханом мира, —  
Вслух рассуждала Любомира,  
Да призадумалась, – Ну, что же.  
Нам отступать теперь негоже.  
Послать, князь, сможешь за подмогой?

– Гонец кратчайшею дорогой  
Отослан мною накануне.

– Тогда доверимся фортуне.

Дуняша, потеряв терпенье,  
Вконец отбросила сомненье:

– Я ворожбою не владею,  
Но ведьму-тётушку имею.  
К ней ночью прошлой в дом тайком  
Я дверь открыла локотком.  
Она добра, и я посмела,  
Хоть прав на это не имела,  
Подробно тётю посвятить  
В проблемы наши и спросить:  
«Когда наступит смерть Каргана?  
Кто победить способен хана  
С его авоською грехов  
На состязанье женихов?»

Царевна вспыхнула, как свечка:

– Не тереби моё сердечко!  
Она тебе дала ответ?  
Да говори же: «да» иль «нет»?  
Ты нас молчаньем извела!

Служанка дух перевела:

– Конечно, это всё слова,  
Однако мысль такова:  
«Любой из братьев для злодея  
В бою – смертельная затея.  
Одна беда – без колдовства,  
Но скоро сыщутся средства.  
Недолго будет хана век,  
Убьёт его не человек».  
Не всё пока допонимаю,  
Точнее – позже разужнаю.

Шурша своим лиловым платьем,  
Дуняша обернулась к братьям:

– И всё же в мирных состязаньях  
Хан в Ваших скромных притязаньях  
Не станет даже разбираться.  
А зря – есть повод опасаться  
Столь необузданных вояк.

Царевна об пол ножкой – бряк:

– Так победит один из них?

– Возможно, если два других

Ему талант уступят свой.  
Нужны не три – один герой.

– Отречься мог бы я от сил, —  
Сказал печально Владесил.

Наморщил Победан свой лоб:

– Вы, что же, думаете, я жлоб?  
Да я готов и сердце вынуть,  
Чтоб только хан мог завтра сгинуть!

Черёд дошёл до Ратобоя:

– Решенье будет непростое,  
Но я талантом поступлюсь!  
Чтоб край спасти, не поскуплюсь!  
Проучим выскочку, урода,  
Во имя нашего народа!

Сдержаться Дуня не сумела,  
Она ж ещё не онемела:

– Конечно, это благородно.  
Легко, однако, и свободно  
Вы отказались от невесты!

Вояка, одолевший тесты  
Точней и лучше остальных,  
Достоин почестей любых:  
Мы все ещё ему послужим —  
Он Любомире станет мужем!

Никто не проронил словечка,  
Лишь каждый слушал, чьё сердечко  
Сквозь тишь сильнее всех стучит,  
А чьё – затихло и молчит.

– Позвольте рассудить мне Вас.  
Отец твердил мне всякий раз,  
Что я его мечта, отрада,  
Что по любви вступать в брак надо.

Волк к ней прижался своим тельцем:

– Должна я сделать выбор сердцем.

Брат старший вставил осторожно:

– Мы примем выбор твой, как должно.  
Для нас закон – твоё решение!  
Казни иль милуй в довершение.

– Стучат предательски виски.  
Вы, будто братья, мне близки.  
Но при одном краснею рядом,  
Когда случайно встречу взглядом.  
При нём иначе сердце бьётся,  
Хотите знать, как он зовётся?

– Не медли, дай же свой ответ!  
С кем хочешь ты встречать рассвет?

– Никто иной, как Ратобой,  
Украл навеки мой покой.

Избранник пал любимой в ноги:

– Я перед Раем на пороге!  
Ты – жизнь моя, я сам не свой!

– Он повредился головой! —  
Шепнул Ратмиру старый воин.

– Я за него вполне спокоен, —  
Ответил князь, на Дуню пялясь.

Тогда вояка, запинаясь,  
Решил у Дуни уточнить:

– Как трёх в одном соединить?

– Процесс довольно безобидный.  
Вот пузырёк трапециевидный.  
Глоток отпили, встали в круг,  
Сомкнули плотно пальцы рук,  
Лоб к лбу прижали, выдох, вдох —  
В одном прибудет сила трёх!

Сверкнула молния, гром грянул,  
Тут Ратобой назад отпрянул,  
Схватив тела обоих братьев —  
Они казались легче платьев.  
Бессильно руки их болтались,  
На имена не отзывались.



Избранник начал волноваться.

– Не стоит страху поддаваться! —  
Внушала Дуня хладнокровно, —  
В тебе их сила в полдень ровно  
Исчезнет, ну а к ним – вернётся.

– Карган, надеюсь, не спасётся?

Зал оглушил протяжный вой.  
Взглянул на братьев Ратобой:

– Перенесу их на кровать,  
Негоже им в пыли лежать.

Шум за окном рос каждый миг.  
Невыносим стал этот крик.  
Царевна бросила платок,  
Все рты закрылись на замок.

– Начать турнир давно пора.

Все дружно крикнули: «Ура!»  
Гонг прозвучал. В разгар борьбы

Карган ломает всем хребты,  
Но Любомира не глядит.  
Дуняша всем руководит,  
С ней старец доблестного рода,  
Точнее – мудрый воевода,  
А так же князь, в неё влюблённый,  
Умом и силой наделённый.  
Князь не даёт калечить люд —  
То там он вступится, то тут.  
Хан был жесток и неуёмен.  
Князь – хладнокровен и спокоен.  
Их неприязнь росла, крепчала,  
Обоим жутко докучала.  
Но хан не с князем состязался —  
Ему в противники достался,  
Спешу напомнить, младший брат  
Да множество других солдат.  
Бойцов на группы поделили,  
Троих из каждой допустили,  
Как лучших, в следующий круг.  
Нелёгким был путь их заслуг:  
Лишь девять вышли в новый тур.  
Царевна молвит:

– Караул!

Попал в те девять Ратобой?

– Ну, это уж само собой, —  
Царевне Дуня отвечает,  
И, между прочим, замечает, —  
В числе героев-забияк:  
Хан, Ратобой и семь вояк!

А в состязанье силачей  
Накал борьбы стал горячей.  
Хан, силой хвастая, пугал,  
Но Ратобой легко толкал  
Любой предложенный снаряд.

– Ты погляди, чего творят! —  
Раздался голос воеводы, —  
Вот так явление природы!  
Богатыри, каких уж нет.  
С таких бы я писал портрет!  
Пожалуй, в следующий круг  
Выходят недруг наш и друг!

Князь согласился:

– Так и есть.  
В бою отстаивать им честь.

И вот раздался звон мечей,  
Глушивший трели трубачей.  
Начать решили без разминки.

— Кто ж славу сыщет в поединке? —

Спросила Дуня невпопад  
Стоящих рядом с ней солдат.  
Не отозвались ей вояки —  
Глаза прикованы их к драке.  
Там меч визжал, стонал и пел,  
Об щит тупился и звенел.  
Всех бой сумел заморозить,  
Но кто бы мог предположить,  
Что он продлится до обеда,  
А трижды близкая победа  
От Ратобоя ускользнёт?  
Слегка меч хана полоснёт,  
Попортив верхние одежды,  
И вновь блеснувшие надежды  
Исчезнут, будто не бывало.  
Лишь время полдень миновало,  
Вмиг сила трёх сдала героя,  
Трусливо бросив Ратобоя.  
Но он сражаться продолжал —  
Бой ратный с детства обожал,  
И даже хана колдовство

Не одолело естество.  
В палатах Победан очнулся,  
А Владесил клубком свернулся  
И продолжает почивать:

– Открой глаза, пора вставать!  
Бой возле площади идёт!  
Сопит и бровью не ведёт.  
Не нахожу я здесь покоя —  
Вдруг одолел хан Ратобоя?

Тут Владесил вскочил:

– Кто? Где?

– Наш младший брат, боюсь, в беде!

Силач помчался без оглядки,  
Но уяснив, что всё в порядке,  
Царевне он кивнул в поклоне.  
Она стояла на балконе.  
Нисколечко не оробел,  
Зевнул, прилёг и засопел.  
А Победан его будил.  
За горизонтом князь следил,  
Вдруг быстро сквозь толпу пробился

И куда-то отлучился.  
Царевна Дуню окликает,  
Служанку этот крик пугает:

– Дуняша, где ты? Отзовись.

– От крика не надорвались?  
Поберегите мои ушки.  
Вопите, как ядро из пушки.

– Где князь? Мне надобен совет.

– Средь наблюдавших его нет.  
Лишь братья вышли из дворца.  
К нему явились два гонца —  
Он с ними тотчас удалился,  
Со мной – и то не объяснился.

Дуняша глазками моргает:

– Пойдите, вот же он шагает.

Царевна с нетерпением ждёт,  
Когда князь ближе подойдёт.  
Секунда, две – князь перед ними.

– Вы с новостями?

– И с какими!

Доверьтесь мне, не подведу.

Коль Вы согласны, поутру

Мои войска войдут в Ваш град,

Чему я буду очень рад.

Пред ними хвастать своей статью

Хан вряд ли станет черной ратью.

Какой бы не привёл он полк —

Мои солдаты знают долг.

Врага повергнут, втопчут в грязь!

– А как же хан? Любезный князь.

– Вот тут дай, Бог, нам всем терпенья,

Чтоб уповать на провиденье.

Припомните: не человек

Его земной прервёт забег.

Дуняша тему подхватила:

– Надеюсь, тётка не шутила.

Царевна топнула ногой,

Платком взмахнула:





– Кончен бой.

Итоги будут таковы:

Вы в состязаниях равны.

А значит, завтра лук и стрелы

Заполнят здешние пределы.

Так и отыщется герой.

Карган, ворчит:

– А ну постой!

Видно, прошлый мой визит

Вами, барышня, забыт?

Завтра крайний, третий день,

Ну а Вам шутить не лень?

Стоит вспомнить день вчерашний,

Не то Ваш очаг домашний

Погорит с добром дотла,

Лишь останется зола!

Царевна смотрит на Дуняшу:

– Хан что, не слышал волю нашу?

Вечереет, день на склоне,

Прохладно стало на балконе.

На зоре иного дня  
Ждите с бабушкой меня.

Тут Карган расхохотался:

– Что-то я засомневался.

Объясните свои шуточки:

Нет царя вторые сутки.

Так откуда ему взяться?

– Я не стану объясняться.

Только завтра поутру

Царь пройдёт по двору.

Ну, а нет – так Вам же хуже.

Мне тогда не быть при муже.

Без отцовского согласия

Не сыскать мне в жизни счастья.

Хан покраснел, как помидор,

Скрипит зубами:

– С этих пор

Теряю самообладанье.

Твоё последнее желанье

Исполню завтра поутру,

Чтобы потешить детвору.

Хан обращается к народу:

– Конец за шкурою походу!  
Неуловимый волк, дикарь —  
Ваш разлюбезный государь!

Пока народ в себя пришёл,  
Карган к царевне подошёл:

– Но коли мы не станем парой —  
С десятитысячной оравой  
К тебе под окна заявлюсь!

– Угроз твоих я не боюсь, —  
Спокойно молвит Любомира,  
Косясь на мощный меч Ратмира.

Но хан исчез, а Ратобой,  
Недовольный сам собой,  
Бросил щит, забрало, меч,  
Чтоб внимание привлечь:

– Я недостоин снисхожденья,  
И это не предубежденье.  
Казни, царевна, что тянуть?

Не смею даже и взглянуть.

Царевна смотрит восхищённо,  
Чеканя каждый слог смущённо:

– Я, видно, разум потеряла?  
Не помню, чтоб Вас обвиняла  
Хотя бы в маленьком проступке.

Царевна сжала плотно губки:

– Кто стойко бился с колдуном?  
Кто шёл к победе напролом?  
Кто честно дрался против зла?  
Глядел, смеясь врагу в глаза?  
Вы лучший, и не надо спорить.  
Упрямство может нас посорить.

Колено преклонил солдат:

– Других не жаждал я наград.  
Пока вы рядом, я дышу.

– Я этим чувством дорожу, —  
Игриво дева подтверждает  
И за дверями пропадает.

Ночь, будто вор, подобралась,  
Мгла в каждый угол забралась.  
В ту ночь заснуть никто не смог —  
Дух царства в хаосе тревог.  
Но вот блеснул рассвета луч,  
Пробивший брешь сквозь стену туч,  
Нависших в этот день над царством.  
Быть может, было то коварством,  
Или уловкой колдуна.  
Возможно. Чья ещё вина?  
Однако звон колоколов,  
Сравнимый с блеском куполов,  
Народ собрал перед дворцом,  
А на балконе – дочь с отцом  
Готовы знак к началу дать.  
Платок мелькнул – пора стрелять.  
Взметнулись стрелы в облака:

– Карган удачливей пока, —  
Печально подытожил царь, —  
Стрела его умчалась вдаль,  
Не оставляя Ратобою  
Надежд угнаться за собою.  
Теперь хан может выбирать  
Мишень и кто начнёт стрелять.

Карган прищурился ехидно:

– Твоя, брат, участь незавидна.  
С шагов пятидесяти попытка  
Тебе под силу? – И улыбка  
Каргану искривила рот.

Но долгожданный поворот  
В соревнованиях наступил.  
Народ, как бешенный, вопил,  
Когда земляк их после хана  
Послал стрелу точней Каргана.  
К балкону Дуня, чуть дыша,  
Бежит и молвит:

– Госпожа!

Карган от злости багровеет,  
Терпенье в нём, как угли, тлеет.  
Быть может, лучше схорониться?  
Что зря пред демоном крутиться?

– Да что ты, Дуня, ещё рано.

Тут прервала их речь Каргана:

– Мне надоел спектакль этот!  
Пора пустить в ход новый метод!

Хан громко свистнул, мощно дунул,  
Через плечо три раза плюнул  
И появился едкий дым,  
Который множился за ним.  
Откинул волос царь с виска:

– Ну, вот и ханские войска.

Народ сплотился пред дворцом,  
А вдоль границ сплошным кольцом  
Стояла княжеская рать,  
Что не могло не взволновать  
Итак взбешенного Каргана.  
Гнев изнутри съедал тирана:

– Ответ царевны стал мне ясен.  
Я в гневе страшен и опасен!  
Дорожки наши разошлись,  
У вас защитники нашлись?

Царь отвращенья не таил,  
И оттого слегка съязвил:

– Стоит Вам попасть к ним в руки:  
Все волшебные науки  
Позабудете мгновенно,  
Говорю Вам откровенно.

– Это кто там? Силамей?  
Разум, старый, возымей!  
Я гляжу, избранник-зять —  
Геркулес, ни дать, ни взять!  
Только мне он не помеха.  
Начинается потеха!

Стрела взметнулась, завертелась,  
Толпа немедля разлетелась.  
Народ, от страха замирая,  
Развязку ожидал, взирая.  
Стрела шла к цели ровно, гладко:

– В гробу спать царской дочке сладко!  
Моей не пожелала быть —  
А я ведь был готов простить  
За то, что сгинул мой отец,  
Но не пошла ты под венец!  
Пусть будет месть моя низка —  
С другим не будешь ты близка! —  
Сказал Карган, смеясь ехидно.

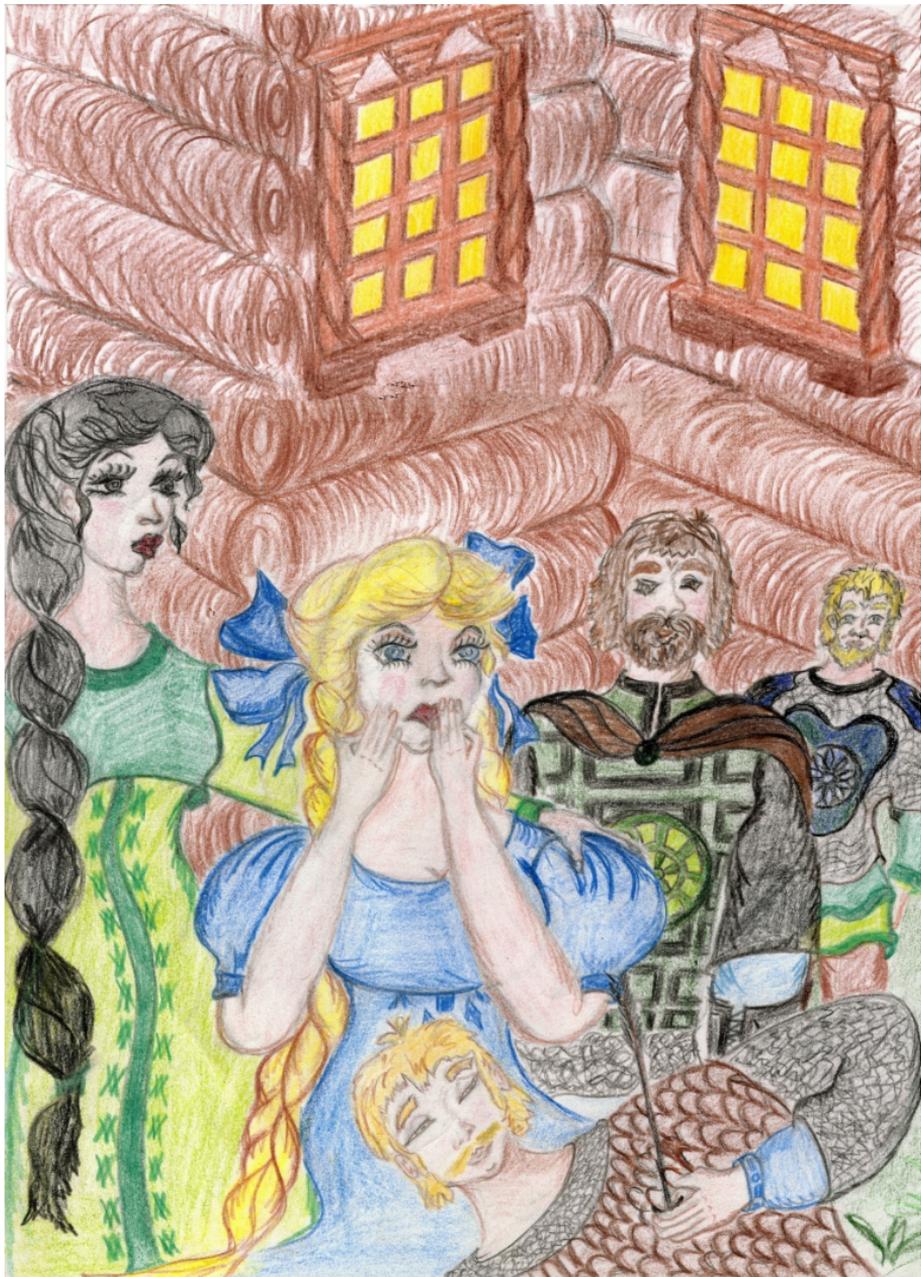
Кто жертва – поздно стало видно,  
Но князь Ратмир, поняв, в чём дело,  
В прыжке закрыл царевны тело.  
Раздался крик и плач Дуняши:

– А как же, милый, планы наши?  
Ты обещал мне дать любовь,  
Обман судьба таила вновь!  
Не уходи, вернись ко мне,  
Согласна я любить вдвойне!

В миг этот грозный Силамей  
Кричит обидчику:

– Не смей!

Но время вышло, облик волка  
К царю вернулся ненадолго.



Врагу вцепился он в гортань.  
Хан захрипел:

– А ну отстань!

Уже не слышен его смех.  
Свалился хан спиною вверх.  
Тут вступили братья в бой.  
Ратобой кричит:

– За мной!

Черный дым поднялся ввысь,  
Будто коршуны взвелись.  
Три меча слились в один —  
Пал могучий властелин,  
Вместе с черною гурьбой.  
Силамей вновь стал собой,  
От напитка рать очнулась,  
Вдруг Дуняша отшатнулась:

– Дышит он! Стучит сердечко!  
Помогите на крылечко  
Его тело отнести!  
Ты, родимый друг, прости!

Поживее, не зевать!  
Дайте, что ли, разорвать  
На груди его сорочку!

Силамей её, как дочку,  
Нежно гладит по головке,  
И печально хмурит бровки.  
Дуня к князю наклонилась,  
Неожиданно смутилась:

– Он не ранен, не убит,  
Почему-то крепко спит.  
Я смогла отковырнуть  
Медальон, что вжался в грудь.  
Прям в него стрела попала!

Напряженность не пропала.

– Дай взглянуть на медальон.

Не сумел сдержать царь стон:

– Мой потерянный сынок!  
Мне бы воздуха глоток.  
Я прошу, в себя приди  
И прильни к моей груди!

Воды холодной кто-нибудь  
Плесните витязю на грудь!

Воевода встрепенулся,  
Величаво подтянулся  
И скомандовал:

– За мной!  
Раздобыть ведро с водой!

Силачи зашевелились,  
Сквозь толпу едва пробились,  
До колодца добрались,  
За ведро там подрались.  
Привести смогло их в чувства  
Лишь военное искусство  
Их наставника в бою:

– Прекратить разбой, сгною! —  
Воевода прорычал.

Он, увы, не замечал,  
Что ведра два, три, четыре  
Растекались на Ратмире.  
Князь едва не захлебнулся.

– Поглядите, он очнулся! —  
Подмечали люди, плача.

– Вот так редкая удача!  
Я нашел родного сына!  
Пусть рекою льются вина,  
Накрываются столы,  
Укрепляются полы!  
Танцевать всем до упада!  
Любомирушка, ты рада?

– А с чего, отец, грустить?  
Люд пора оповестить,  
Что наследник есть у трона!  
Брат Ратмир, твоя корона!

– Погодите, не так скоро!  
Мой удел за два-три бора.  
Как ни горько расставаться,  
Не могу я здесь остаться.  
Рад отцу я и сестре,  
Но дворец сей не по мне.  
У меня не меньше двор:  
Есть уголья, есть собор,  
Погреба полны вина  
Да богатая казна.

Я, на гибель обречённый,  
Среди зарослей найдённый,  
Жил во княжеских палатах.  
С детских лет в забрале, латах  
Упражнялся меч держать  
И мудрейших уважать.  
Как предать приёмный дом?  
Воспитали меня в нём.  
Пал в бою от силы тёмной  
Благодетель мой приёмный,  
А я слово ему дал,  
Хоть тогда был очень мал,  
Не оставить его край.  
Княжить в нём – почти что Рай.

Царь вздохнул, развёл руками:

– Слово держим мы веками.  
Обещал – так правь на славу!  
Ну, а трон, что твой по праву,  
Передам я вскоре зятю.  
Обними ж, сыночек, батю!

Царь прижал к груди Ратмира,  
А затем и Любомира  
Обмерла на шее брата:

– Мой спаситель! Буду рада,  
Коль покинешь нас не сразу.  
По отцовскому указу  
Свадьба – всё-таки не шутки,  
Не отпразднуешь за сутки.  
Мне ведь нет тебя родней —  
Будь свидетелем на ней!

Тут Дуняшка руки в боки:

– Отчего Вы так жестоки?  
Кто-нибудь меня заметит,  
Или мне уже не светит  
Обрести, как прочим, радость?  
Отчего такая хладость?  
Я здесь будто не своя!  
Отвечайте, не тая,  
Где моё отныне место:  
Я служанка или невеста?

Князь лукаво улыбнулся:

– Мой котёночек надулся?  
Я настаивать не вправе,  
Но к изысканной оправе

Нужен камень редкой масти.

– Сердце, князь, не рви на части!  
Не особо изгаляйся.

– Ладно, ладно, не ругайся!

Князь любимой смотрит в глазки,  
У неё все щёки в краске.

– Мой бриллиантик, дай ответ:  
Быть со мной согласна, нет?

– Я добра! Что за вопрос?  
Я твоя, князь, выше нос!

Люд смеётся простодушно.  
Царь кричит:

– Поздравить нужно!  
Вот и славно, свадьбам быть!  
Жить вам в мире, всех любить,  
Сыновей растить и дочек!  
Навещай отца, сыночек!  
А теперь не возражать —





Начинаем пировать!

В миг торжества оставим царство,

Пусть процветает государство

Уже без наших зорких глаз.

А мы запомним этот сказ

И пустим странствовать в народ:

От нас до северных широт.